

Арт-Фонарь (прил. к «Аргументам и фактам»). - 1994. - № 1. - С. 5.

Властелин империи «KL» и его... странности

Он действительно властелин целой империи. Единственный из модельеров, Карл Лагерфельд каждый сезон умудряется делать по четыре коллекции - для "Шанель", для "Хлое", для "Фенди" и для себя - и при этом не повторяется. С каждого платья и с каждой капли парфюма, что он создает, Лагерфельд получает от 3 до 7 процентов выручки. А ведь за свадебные платья от Лагерфельда на среднем Востоке шейхи, не торгуясь, отдают по 300 тысяч дойчмарок.

Он коллекционирует антикварную мебель и преспокойно спит на кровати XVIII века, которую какой-нибудь исторический музей средней руки посчитал бы за счастье иметь среди экспонатов. С постелью, постельным бельем и бельем вообще у него отношения довольно своеобразные: - Все мое постельное белье и нижнее белье белого цвета, я сплю в белой ночной рубашке, и стирают ее каждый день. Жаль только, что и постельное белье нельзя ежедневно стирать - оно очень старое, но его каждый день заново проглаживают.

Казалось бы, кто может вести более богемный образ жизни, чем модельер, который одевает высший свет всего мира. Однако Лагерфельд не позволяет себе сон до полудня, завтраки в постели и прочие излишества:

- Кто рано встает, тому Бог подает. На сон мне вполне хватает четырех-пяти часов, уже в 6 утра я встаю. Это так рано, что мне не удается заставить персонал последовать моему примеру, вылезти из кровати и приготовить завтрак, поэтому с утра я пью только "Колу-лайт". Ведь сам я так ленив, что не могу себе ни чая заварить, ни отварить яйцо - не говоря уже о чем-то, требующем глубоких познаний в кулинарии. Я могу только открыть дверь холодильника, чтобы налить себе стаканчик чего-нибудь или съесть что-нибудь холодным. Еще ни разу в жизни я себе ничего не разогрел.

В ЧЕМ-ЧЕМ, а в уж в гурманстве Лагерфельда не обвинишь - он с сумасшедшим азартом поедает любую колбасу, в особенности жареные колбаски в пряном соусе, и с не меньшим азартом поглощает "колу" без сахара. Но только французскую, потому что в нее добавляют особенный искусственный сахар, которого больше не делают нигде в мире. В остальных странах он отдает предпочтение яблочному соку и практически не употребляет алкоголя.

Правда, не по идейным соображениям, а по иронии судьбы:

- Я не пью не от того, что не хочу, - просто не могу. Ни разу в жизни я не был пьяным, потому что засыпаю быстрее, чем успеваю как следует опьянеть. Поэтому люблю выпить вино только в том случае, если уверен, что скоро попаду в постель.

Не сложились у него отношения и с табаком - теперь уже из эстетических соображений. Лет в 14 Карл попробовал закурить, но его мать, которая сама дымилась, как фабричная труба, скептически заметила, что, когда он курит, становится заметно, что у него очень некрасивые руки. Так как Лагерфельд больше всего в жизни ценит красоту (и собственную тоже), это отбило желание курить получше всяких запретов.

Лагерфельда трудно представить без черных очков, раскрытого веера и "конского хвоста" на голове (как выясняется, он не распускает волосы даже ночью, рискуя получить головную боль). Столь загадочные приметы имиджа имеют весьма прозаическое объяснение:

О-ПЕРВЫХ, я ненавижу длинные волосы, не переносю, когда они свешиваются на лицо и лезут в рот. Но и вечно бегать к парикмахеру я тоже не хочу. Я просто мою их за три секунды, скрепляю резинкой - и готово. С веером еще проще - раньше в ночных клубах не было кондиционеров, и я стал пользоваться веером, чтобы разгонять этот назойливый табачный дым. Очки? Они не столько затемняют, сколько оттеняют - в них мир выглядит красивее. И потом - я же близорук, а у близоруких людей часто бывает такой взгляд, как у верного пса.

Пока Лагерфельду удавались все его проекты, кроме одного, - он чуть не взял на себя роль свата, чтобы выдать Клаудию Шифферд замуж за принца Альберта Монакского. Увы, сердцу не прикажешь - возможность носить королевский титул Клаудии не прельстила, и хрустальная мечта Лагерфельда умерла не родившись. "Больше я не хочу заниматься этой парой, - категорично заявил он. - Это или получается сразу, или не получается никогда".

Никому из журналистов пока так и не удалось выяснить: в кого же Лагерфельд такой талантливый - в папу или в маму? Зато они узнали, что больше всего ценили родители в маленьком Карле:

- Боюсь, только то, что я родился мальчиком, - ведь с девочкой так много проблем: скандалы в школе, выбор пансиона - да еще эти бойфренды!

По материалам зарубежной прессы